

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2022-204-194-199>

И. А. Мартянова

«ТОЧЕННЫЙ МУСКУЛ САМОЙ СУТИ»: НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

В статье рассматривается сущность научно-популярного изложения, его принципы и способы объяснения понятий, средства диалогизации и речевого контакта, привлечения и поддержания внимания адресата, которые демонстрируются на примерах из текстов М. Л. Гаспарова, И. Л. Андроникова, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, М. К. Мамардашвили. Научно-популярное изложение не упрощает, а углубляет знание, порождая радость узнавания нового. Его адресат способен самостоятельно найти новую информацию в многочисленных источниках, но он нуждается в другом — в ее оригинальной и глубокой интерпретации. Научно-популярному изложению противостоит лженаучное просветительство.

Ключевые слова: популяризация, принципы научно-популярного изложения, способы объяснения понятий

I. Martianova

“SUM AND SUBSTANCE OF THE ESSENCE”: LANGUAGE OF POPULAR SCIENCE

The article analyses the language of popular science, its principles, methods of explaining concepts, means of dialogisation and speech contact as well as ways to attract and maintain the audience's attention. The evidence is taken from the texts by M. L. Gasparov, I. L. Andronikov, D. S. Likhachev, Yu. M. Lotman, and M. K. Mamardashvili. Popular science is not meant to simplify, but, rather, to deepen knowledge and foster a joy of learning new things. It is clear that a popular science addressee is able to independently find new information in numerous sources. However, they need something else—original and deep interpretation. Popular science language is opposed to pseudo-scientific “enlightenment”.

Keywords: popularisation, language of popular science, ways of explaining concepts

Искусство научно-популярного изложения, которым блестяще владели Н. Я. Эйдельман [15], М. Л. Гаспаров [5], Д. С. Лихачев [9] и другие ученые, вновь стало одной из важнейших социальных проблем. В печати, на телевидении и в интернете ему противостоит лжепросветительство, редко встречающееся аргументированный отпор [17].

Существует замечательная отечественная традиция популяризации лингвистики (книги К. И. Чуковского [14], Л. В. Успенского [13] и др.), однако сегодня А. А. Зализняк

и другие ученые констатируют широкое распространение дилетантизма именно в этой сфере «...из-за иллюзии, что здесь никаких специальных знаний не требуется. Все знают, что есть такие науки, как физика или химия, а о том, что есть и наука о языке — лингвистика — слишком многие и не подозревают» [17]. Квазилингвисты, исследуя, как они выражаются, геном русского языка, создают его оппозицию другим языкам, прежде всего английскому. Это подкрепляется псевдолингвистическими наблюдениями, ложной этимоло-

логизацией и семантизацией с предсказуемыми политизированными выводами: *менеджер* — заманиватель, обманщик, потому что слово *мани* (деньги) происходит от слова *манить* и т. п.

Научно-популярное изложение не занимается демагогией, оно не упрощает, а углубляет знание, порождая радость узнавания нового, являясь по сути риторикой смыслопорождения. Его адресат, способный самостоятельно найти новую информацию в многочисленных источниках, нуждается не столько в ней, сколько в ее серьезной, оригинальной научной интерпретации. При всем уважении к мастерам старой школы (П. Д. Волковой [4], Н. И. Басовской [3] и др.), заслуженно сохраняющим преданных учеников и поклонников, сегодня их книги и записи публичных выступлений не вполне удовлетворяют современную аудиторию. Риторический имидж талантливого Э. С. Радзинского [12] также подвергается критике, вследствие монологического характера его речевого поведения, субъективно-сенсационной интерпретации истории. Однако искусство научно-популярного изложения востребовано по-прежнему.

В советское время очень многое для понимания его сущности сделал В. В. Одинцов [19]. Не отрицая значения заимствований, прежде всего терминологических, он подчеркивал необходимость их перевода на язык, доступный аудитории (*альтернатива*, то есть необходимость выбора одной из двух взаимоисключающих возможностей; *конгениальный* — близкий по духу, по образу мыслей и т. п.). Он раскрыл смысл такого требования, как конкретизация высказывания, предполагающего использование топов (моделей речемыслительного порождения) *Имя, Место, Время* и др., апробированных выдающимися лекторами. Парадокс понимания заключается в том, что оно должно быть связано с переживанием, это было продемонстрировано В. В. Одинцовым [19] на широком риторическом материале. Говоря о художественности изложения, он имел в виду не обилие

тропов и риторических фигур, а проблемность содержания, динамику смены точек зрения и типов речи.

А. С. Ромм, ученица М. М. Морозова, любимый лектор многих поколений филологов-герценовцев, давно решила для себя так называемый шекспировский вопрос (по ее мнению, никто не «скрывался под маской» Шекспира). Но свои лекции она строила на столкновении точек зрения исследователей, что позволяло не только ввести студентов в шекспировскую проблематику, познакомить их с личностями и концепциями ученых, но и погрузить их в историко-культурную среду далекой эпохи.

Конкретизация и художественность интимизированного изложения — отличительная черта лекций-рассказов историка литературы И. Л. Андроникова («Загадка Н.Ф.И.», «Тягильская находка», «Портрет» и др. [2]).

Показательно, что выдающиеся популяризаторы (Гаспаров, Лотман, Мамардашвили и др.) часто апеллируют к Сократу. М. Л. Гаспаров [5] использовал в рассказе о нем комбинацию сентенционного, информационного и демонстрационного типов речи (термины С. Г. Ильенко [18]). Первый тип речи обнаруживал парадоксальность мышления Сократа в живом устном общении, второй был конгениален фрагментарности биографических сведений о нем, третий создавал его зримый и слышимый образ.

Ю. М. Лотман, замечательный ученый и преподаватель, мог сделать интересным даже традиционное поздравление студентам с началом учебного года, включив в него разнообразные приемы и средства речевого контакта, языковой рефлексии и диалогизации изложения (обращения, вопросы, вводные и вставные компоненты и др.):

«Давайте подумаем! Я не случайно так сказал, это слово любил философ Сократ. Своих учеников Сократ никогда не учил правильному, никогда на вопрос учеников не отвечал: “Поступайте так”. Он говорил: “Давайте подумаем!”. А что значит “поду-

маем” — Вы не знаете, как поступить, я тоже не знаю, как вам поступить. Вы пришли не как школьники, получить правильный ответ, вы пришли к коллеге посоветоваться, подумать вместе. А вместе думать действительно лучше. Именно различия во мнениях помогают продвигаться к истине.

Посмотрите, вот кто мы с вами? Можно сказать, что мы очень умные и хорошие машины. Мы умеем делать много разных вещей. Но какая особенность у каждой машины? — У всех разные лица. А зачем? Казалось, было бы проще, чтобы у всех были одинаковые лица. Было бы легче во многом, может быть, было бы меньше ошибок... Но для чего-то нужно, чтобы у нас были разные лица, разные характеры, разный опыт, чтобы мы все были разными людьми» [10, с. 100].

Владеть искусством научно-популярного изложения — значит уметь объяснять понятия и явления. Д. С. Лихачев афористично объяснял многие сложнейшие понятия, например *патриотизм* и *национализм*: «Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом — любовь к своей стране, во втором — ненависть ко всем другим» [9].

Объяснение как речевой жанр отличается от научного определения большим словесным объемом, разнообразием его развертывания, допустимым нарушением законов формальной логики: сравнение, например, не является логическим аргументом, но активно используется в объяснении. В. В. Одинцов [19] описал ряд способов объяснения понятий: от демонстрации предмета — до толкования значения слова, его этимологии, в том числе ложной. Современный культуролог М. Н. Эпштейн так раскрывает семантику понятия *интересное*, очень важного для научно-популярного изложения:

«“Интересное” — это нечто такое, что, с одной стороны, представляется маловероятным, а с другой стороны, предъявляет

наиболее убедительное доказательство своего существования. Например, какая теория интересна? Не та, которая доказывает нечто самоочевидное, пусть и убедительно. Но интересна и не та теория, которая доказывает нам нечто маловероятное, но при этом делает это произвольно, хаотически. По-настоящему интересна именно такая теория, которая наиболее последовательно, убедительно доказывает нам то, что совершенно невероятно» [20].

Философ М. К. Мамардашвили, лекции которого собирали переполненные аудитории Москвы, Ленинграда, Тбилиси, виртуозно владел разнообразными способами объяснения понятий:

«А что такое символ в этимологическом смысле? Он как раз для нас важнее других, ученых значений. Известно: символ — это разломанная на две половинки дощечка. Скажем, мы разломали дощечку, я дал вам одну часть, а вторая осталась у меня. Это символ. В каком смысле? А в том, что если вы мне покажете свою часть дощечки, допустим, через двадцать лет, а я вам свою, то их можно будет сложить. По разлому. Родные — воссоединились! Вот что такое этимологическое значение слова “символ”. Этимология здесь существеннее всех абстрактных и рассудочных значений, которые в это слово вносятся в виде определенных его» [11].

Мамардашвили использует восходящие к Сократу приемы майевтики, позволяющие извлекать скрытое в человеке знание с помощью искусных наводящих вопросов и примеров, открывающих новые ракурсы проблемы:

«Зачем же нужно изображать уже изображенное? Или вопрос этот можно выразить более учено и фундаментально: а зачем вообще тогда искусство? Вот передо мной человек. Он ведь уже есть, и,

поскольку мы находимся в культуре, он обозначен, я воспринимаю его, и все, что несет собой значение посредством этого, я понимаю, вижу этого человека. Зачем же художнику надо еще изображать лицо? Почему и какой смысл повторять знаковые изобразительные элементы восприятия? Зачем? Есть такой прекрасный анекдотический парадокс Паскаля. Он в свое время, будучи в хронически меланхолическом настроении, говорил: зачем, собственно говоря, я должен любить живопись? Почему я должен любить портрет, который изображает предмет, сам по себе ничтожный и мною нелюбимый? Что происходит? Я не люблю сюжет, не люблю модель портрета, нахожу ее неприятной, ничтожной, почему я восторгаюсь, когда рассматриваю портрет этого ничтожного и нелюбимого мной предмета? Что происходит? Почему? Зачем? Какой смысл во всем этом занятии?» [11].

В лекциях Мамардашвили сознательно избирал роль не всезнающего учителя, а ведущего аудиторию в незнаемое, имеющего право на императив. В них возникает наглядный образ движения, пути, маркирование его этапов, остановок и связей (*зацепимся, остановимся, подойдем, обойдем, вернемся* и др.).

В основе его совместных со слушателями размышлений лежит антиномия *сложно* — *просто*, которую не стоит понимать только как переход от сложного к простому. *Сложное* предполагает дополнительное объяснение, свидетельствует о необходимости мышления, которое приносит радость. Мыслить радостно, если знание передается не механически, а рождается в сознании слушателей. *Сложное* говорится о жизненно важном, что может быть *простым*, но не упрощенным.

Определение Мамардашвили почти всегда переходит в объяснение. Определить — дать имя, название, поэтому для него объясняющей силой обладает отношение к слову философов, писателей, режиссеров (Канта,

Толстого, Достоевского, Платонова, Маяковского, Булгакова, Пруста, Миндадзе и др.). Он воспринимал великих как собеседников, существующих с ним в одном временном поле, в одном диалогическом режиме. Мамардашвили находил у них парадоксальные фразы, которые становились отправными пунктами его апорий, казалось бы, неразрешимых:

«Достоевский в свое время сказал известную фразу: “Красота спасет мир”. Но я бы лично со всех ног бежал от такого мира, который создавался бы по законам красоты, то есть где был бы механизм красоты. Красота как средство построения мира для меня никакого смысла не имеет. А вот красота, которой ты достоин, если она случится, — это имеет смысл» [11].

Он заражает слушателей своим восхищением чужой мыслью, самой формой ее выражения (*великолепные, недооцененные слова* и т. п.). Его отношение к цитате могло быть восторженным или ироничным, но никогда не демонстрировало превосходство над аудиторией. Скорее, ей выдавался аванс в виде напоминания (*как вы, конечно, помните...* и т. п.), что типично для речевой манеры многих выдающихся лекторов.

Его монолог диалогизируют не только приемы вовлечения слушателей в совместное размышление, он изначально диалогизирован своей дискуссионной настроенностью. Мамардашвили не боялся выступить в роли опровергаемой стороны, демонстрируя тем самым переход от незнания к знанию, делая этот шаг наглядным: «...Кант предупреждает: нет, это не ответ, потому что свобода — это лишь другое таинственное слово» [11].

Лекции Мамардашвили пересыпаны ироничными и самоироничными афоризмами и сентенциями: «...мы можем наказывать других своей святостью или своей бедностью» [11] и др. Напомним, что знаменитый историк и лектор В. О. Ключевский составлял тетради афоризмов [7], которые часто

использовал в своих лекциях, в том числе для поддержания внимания аудитории. Парадоксальностью содержания и лаконичностью формы они вызывают заинтересованную реакцию слушателей, диалогизируют монологическое изложение.

Научно-популярное изложение выдающихся ученых, имея общее, выражало их индивидуальный узнаваемый стиль. Но далеко не каждый выдающийся ученый является мастером научно-популярного изложения (им не был, например, С. С. Аверинцев, ценимый за широчайший кругозор, ассоциативность и глубину мышления, собиравший, как и Мамардашвили, огромные аудитории слушателей). Но оно остается одним из основных требований, предъявляемых к речи вузовских и школьных преподавателей.

Современная филология не демонстрирует ярких примеров популяризации, сопоставимых с книгами Чуковского [14] или Успенского [13]. Отчасти поэтому сегодня стала бестселлером книга М. А. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» [8], автор которой свободно владеет приемами научно-популярного изложения, занимая при этом, по его словам, позицию лингвистического обывателя.

Интереснее обстоит дело с современной популяризацией исторической науки. Имеются в виду не только сочинения Б. Акунина «Любовь к истории» ([1] и др.), но и журнал «Дилетант» [6]. Его концепция и стиль, широкий спектр разножанровых публикаций, манера общения с адресатом разного возраста (журнал рассчитан в том числе «на вырост» детской аудитории) соответствуют современ-

ному представлению о научно-популярном изложении, которое позволяет довести исторический дискурс «до прозрачности и ясности, не унизив свою тему и не упростив предмет...» [16]. Материалы каждого номера сфокусированы на загадочном событии (убийство царевича Дмитрия, смерть Наполеона и др.) или исторической личности, реальной или мнимой (Черчилль, Петр Первый, Сталин, Джеймс Бонд и др.). Каждый номер завершается публицистическим эссе о писателях в зеркале истории (портретная галерея Д. Быкова). Манера изложения авторов статей подчеркнута индивидуальна, что проявляется также в выборе объектов интерпретации, и вместе с тем объективна, аргументированна. Каждый номер представляет конгломерат рубрик: кадр, историческое расследование, версии, экспонат, детская площадка, обзор новейших компьютерных игр, книг и фильмов, ретрокресворды «Огонька». Концепция научно-популярного журнала выражается во взаимодействии вербального и изобразительного рядов (фотографии, репродукции, комиксы).

Искусство научно-популярного изложения по праву можно назвать риторикой смыслопорождения не только в гуманитарной сфере (Д. И. Менделеев, К. Э. Циолковский, С. П. Капица, наши современники) и не только по отношению к адресату. Оно необходимо самим ученым. По словам А. Битова, «когда ясно объясняешь суть того, о чем думал десятилетиями, незнающему, мысль становится богаче. Такая популяризация — точеный, сильный мускул самой сути» [16].

ИСТОЧНИКИ

1. Акунин Б. Любовь к истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 304 с.
2. Андроников И. Л. Я хочу рассказать вам. М.: Советский писатель, 1970. 575 с.
3. Басовская Н. И. Великие женщины. М.: АСТ, 2018. 288 с.
4. Волкова П. Д. Мост через Бездну: полная энциклопедия всех направлений и художников. М.: АСТ, 2018. 688 с.
5. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 384 с.
6. Дилетант. [Электронный ресурс]. URL: <http://diletant.media> (дата обращения 14.01.2022).
7. Ключевский В. О. Тетрадь с афоризмами. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 432 с.

8. *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Corpus, 2019. 504 с.
9. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. [Электронный ресурс]. URL: <https://mirkultura.ru/pisma-o-dobrom-i-prekrasnom-pisma-1-6-d-s-lihachyov> (дата обращения 14.12.2021).
10. *Лотман Ю. М.* Воспитание души. СПб.: Искусство–СПБ, 2005. 378 с.
11. *Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления // РИДЛИ: Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <https://readli.net/estetika-myishleniya> (дата обращения 14.12.2021).
12. *Радзинский Э. С.* Распутин. М.: АСТ, 2019. 512 с.
13. *Успенский Л. В.* Слово о словах. Имя дома твоего. Л.: Лениздат, 1974. 319 с.
14. *Чуковский К. И.* Живой как жизнь: Разговор о русском языке. М.: Молодая гвардия, 1962. 175 с.
15. *Эйдельман Н. Я.* Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII–начало XIX столетия. СПб.: Экслибрис. 1992. 384 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

16. *Битов А.* Русский устный и русский письменный // Горький. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/8/russkij-ustnyj-i-russkij-pismennyj.html> (дата обращения 14.12.2021).
17. *Зализняк А. А.* О профессиональной и любительской лингвистике // Элементы. [Электронный ресурс]. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430720/O_professionalnoy_i_lyubitelskoy_lingvistike (дата обращения 14.12.2021).
18. *Ильенко С. Г.* Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 458–460.
19. *Одинцов В. В.* Речевые формы популяризации. М.: Знание, 1982. 80 с.
20. *Эпштейн М. Н.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 485–496.

SOURCES

1. *Akunin B.* Lyubov' k istorii. M.: OLMA Media Grupp, 2012. 304 s.
2. *Andronikov I. L.* Ya khochu rasskazat' vam. M.: Sovetskij pisatel', 1970. 575 s.
3. *Basovskaya N. I.* Velikie zhenshchiny. M.: AST, 2018. 288 s.
4. *Volkova P. D.* Most cherez Bezdnu: polnaya entsiklopediya vsekh napravlenij i khudozhnikov. M.: AST, 2018. 688 s.
5. *Gasparov M. L.* Zanimatel'naya Gretsiya: Rasskazy o drevnegrecheskoj kul'ture. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 384 s.
6. Diletant. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://diletant.media> (data obrashcheniya 14.01.2022).
7. *Klyuchevskij V. O.* Tetrad' s aforizmami. M.: EKSMO-Press, 2001. 432 s.
8. *Krongauz M. A.* Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. M.: Corpus, 2019. 504 s.
9. *Likhachev D. S.* Pis'ma o dobrom i prekrasnom. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://mirkultura.ru/pisma-o-dobrom-i-prekrasnom-pisma-1-6-d-s-lihachyov> (data obrashcheniya 14.12.2021).
10. *Lotman Yu. M.* Vospitanie dushi. SPb.: Iskusstvo–SPB, 2005. 378 s.
11. *Mamardashvili M. K.* Estetika myshleniya // RIDLI: Elektronnaya biblioteka. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://readli.net/estetika-myishleniya> (data obrashcheniya 14.12.2021).
12. *Radzinskij E. S.* Rasputin. M.: AST, 2019. 512 s.
13. *Uspenskij L. V.* Slovo o slovakh. Imya doma tvoego. L.: Lenizdat, 1974. 319 s.
14. *Chukovskij K. I.* Zhivoj kak zhizn': Razgovor o russkom yazyke. M.: Molodaya gvardiya, 1962. 175 s.
15. *Ejdel'man N. Ya.* Gran' vekov: Politicheskaya bor'ba v Rossii. Konets XVIII–nachalo XIX stoletiya. SPb.: Ekslibris. 1992. 384 s.

REFERENCES

16. *Bitov A.* Russkij ustnyj i russkij pis'mennyj // Gor'kij. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/8/russkij-ustnyj-i-russkij-pismennyj.html> (data obrashcheniya 14.12.2021).
17. *Zaliznyak A. A.* O professional'noj i lyubitel'skoj lingvistike // Elementy. [Elektronnyj resurs]. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430720/O_professionalnoy_i_lyubitelskoy_lingvistike (data obrashcheniya 14.12.2021).
18. *Il'enko S. G.* Rusistika: Izbrannye trudy. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2003. S. 458–460.
19. *Odintsov V. V.* Rechevye formy popularizatsii. M.: Znanie, 1982. 80 s.